

чтобы паченька не видалъ. А то онъ за это сердится. Возьметъ бывало себѣ гравинчицъ изъ буфета и пальять рюмочку.— Ты водку пьешь? спросить мальчикъ.— Это здорово, дитятко. Вотъ я обмокну тебѣ кусочекъ чершаго хлѣба, посоли его и съешь— здоровенький будешь.

Прошло года четыре.

Профессоръ кориѣль надъ однимъ изъ своихъ сочиненій, ходилъ на лекціи. Однажды въ сумерки Мотылекъ взяла Мишу съ собою прокатиться. Заѣхала къ комуто въ гости. Комната, где они усѣлись, была заставлена деревьями въ кадушкахъ, на стѣнахъ висѣли картины и портреты, на кругломъ столѣ, поставленномъ по срединѣ, стояла огромная зажженая лампа подъ абажуромъ, серебряный самоваръ и фарфоровыя чашечки. Ихъ встрѣтилъ военный съ черными бакенбардами и просѣдью на вискахъ. Миша шаркнулъ ножкой. Зачѣмъ ты взяла его съ собою? проговорилъ онъ *тихо*, но Миша *слышалъ* эту фразу. — Миѣ предлога не было, да вѣдь онъ не понимаетъ. „Чего же я не понимаю... что такое“? Она, пригнувшись къ военному на его кресло, теребила рукою его волосы. Стали пить чай...

— Покажите же мнѣ вашу библіотеку. Мишѣ дали печеньевъ и ушли... Отчего

же они меня съ собою не взяли? думать мальчикъ, я книжки люблю.

— Ты, Миша, *не говори* папъ, что мы куда нибудь заѣзжали. Это мой дядя, пана съ пимъ въ ссорѣ, разсердится.

— Ладио.

— Гдѣ же это... гдѣ мой красивый карандашъ? искалъ профессоръ. Иванъ!

— Чего?

— Гдѣ красивый карандашъ?

— А я почему знаю. Что я пишу, что ли, да еще красивымъ.

Карандашъ провалился точно сквозь землю. Няня увидала этотъ карандашъ у Миши.

— Няня, милушка, я взялъ его *тихонько*, не говори папенькѣ. Любя и жалѣя его, *не сказала*.

Мотылекъ безъ всякой причины опять улетѣлъ.

Опять за усиленную работу и... вино. Опредѣлилъ Мишу въ гимназію, а чтобы мальчикъ не видаль подчасъ его не благообразія, номестилъ жить у директора гимназіи. Няня осталась на пенсії вместо экономки. Зайчикъ пропалъ, остались Дружокъ и бѣленькая.

Начались хожденія въ театръ, зна-

комства съ актерами. Его сочинение какъ застыло.

Вдругъ онъ встряхнулся. Ему поручали изслѣдовать одинъ каменноугольный кряжъ и сдѣлать раскопки нѣкоторыхъ кургановъ въ —ской губерніи. Предполагали розыскать могилу Аттилы. Я не знаю, можетъ это и не такъ было, но я такъ слышалъ. Извѣстно, что мрачною ночью въ неизвѣстной степи зарыли Аттилу въ тройномъ гробѣ — золотомъ, серебряномъ и мѣдномъ. Съ нимъ положили его оружіе, и на могилѣ его были заколоты всѣ рабы и копавшіе могилу, чтобы никто не вѣдалъ, гдѣ лежатъ кости великаго вождя. Сталъ онъ читать Дегине, Горнанда, Прокофія Гипсона... Театръ, рестораны были забыты. Жиль среди гунновъ, готовъ, аваровъ, вандаловъ, геруловъ, визиготовъ...

Каникулы подошли. У его пріятеля было имѣніе, въ которомъ тотъ никогда не жилъ. Онъ просилъ его отправить туда Мишу съ няней. Здоровье Миши какъ то свихнулось: была одышка, болѣла грудь.

Отправилъ Мишу съ няней, собакой и кошкой на западъ, а самъ — на телѣжку, въ безграничныя южныя степи, пустынныя какъ море.

Рѣка инѣроко разлилась, затонила лугової берегъ, подешла къ самой церкви. Ярко свѣтить солнце, бѣгутъ въ водѣ облачка. Ікарко Мишъ. Не радъ, что просыпаясь, удитъ рыбу съ отцомъ Пантелеемъ.

— Чего зазѣвался, не подаешь! кричитъ отецъ Пантелеій.

Миша потянулся подать ему червячка изъ горшочка, а въ водѣ—голубое бездольцное небо и гдѣ-то кукушка кукуетъ. „Кукушка, кукушка, думаетъ Миша, забывшись, много ли мнѣ лѣть жить“? Вотъ же тебѣ! рванулъ его за ухо, и Миша упалъ въ лодку.

— Вы не смѣете меня бить! Нашъ священникъ въ гимназіи говоритъ, что каждого надо любить какъ самого себя.

— Глупый, за битаго двухъ небитыхъ даютъ. Любить надо, да и дѣло надо дѣлать. Черезъ тебя рыба отошла.

Миша сжалъ губы и кулачки; вздрагивая всѣмъ тѣломъ и вспыхнувъ румянцемъ, глядѣль въ даль глазами, полными слезъ, не видя тихо плывущихъ плотовъ.

Солнце закатывается. На берегу видно розовое облако пыли, поднятое возвращающеюся скотиною. *Молоко* идетъ, думаетъ Миша. Молоко, молоко!

— Чего ты, съ ума сошелъ!

Пріѣхали. У отца Пантелея вся рубаха

мокрехонька, а въ бородѣ видна рыбья чешуя. На берегу Кузьма *смоголъ* укладывается въ лодку: на *лучъ* *) собирается. „Вотъ съ нимъ бы мы надо поѣхать“!

Отецъ Пантелеій великодушно подѣлился съ Мишою рыбой и поспѣшно направилъ свои стопы къ своему жилью. Кузьма объявилъ, что къ нему прїѣхали братя изъ семинаріи.

Миша притащилъ рыбу. Въ кухнѣ запылалъ огонь. Няня жаритъ рыбу.

— Няня, ты оиять пила водку, отъ тебя пахнѣстъ водкой.

— Выпила, голубчикъ, выпила для подкрайленія силъ, а вотъ сжарю рыбку — еще выпью и тебѣ дамъ *полрюмошки*, а то шутка сказать, цѣлый день на водѣ, могъ простудиться.

— Да она горькая.

— А за то лекарственная, лекарства вѣдь тоже горьки.

Ванька, сынъ кузнеца, тихонько вызываетъ Мишу. — Что? — Полведра водки иро-несли. Щютъ. Посмотримъ, а?

Подкрались они къ дому отца Пантеле-

---

*) Быть рыбу *острогой*, при свѣтѣ пылающаго смоляного дерева, разложеннаго на носу лодки, на такъ называемой *козѣ* (желѣзная рѣшетка).

лъя. Въ ицели ставни видѣнъ огопь. Стали на завалинку и смотрять. У одного сидить на колѣнъхъ Дуняника — цѣловальничха, другіе что-то поютъ...

— Миша!.. Гдѣ ты? кричитъ няня съ крыльца. Рыбка готова, иди!

Сторожъ гдѣ-то стучитъ въ чугунную доску. Няня дала полрюмки водки, жареной рыбки и молока. Уснули...

Утромъ онъ и Ванька устраивали въ ручье, что у итичника, мельницу изъ луциноекъ.

— Барчуекъ, знаете что?—А что?

— Посмотримъ, илаваютъ курицы или иѣть.—Давай.

Поймали насѣдку. Окунули разъ—ничего, два — ничего, три — готова, захлебнулась.

Мальчики исиуганно глянули другъ на друга.

— Что же теперь?

— Бросимъ ее въ кусты, говоритъ Ваня: подумають, будто сама околѣла.

Глядь: няня. — Это вы что же, разбойники, божье созданіе загубили. — Няня, голубушка, не говори. Помнишь, кошки крали говядину, сама просила не говори и когда ты была пьяна, я вѣдь не говорилъ!

Мальчики были въ страхѣ цѣлый день.

Няня не сказала. (Кто лучше: Нянька, или эта пяня?).

Каникулы окончились. Профессоръ пристѣль въ восторгъ. Три замѣчательныхъ открытия: кость мамонта, громадный золотой браслетъ и открытие новой каменноугольной жилы. Всѣ газеты затрубили обѣ этомъ. Къ лекціямъ относился какъ-то холоднѣе, торопился скорѣе домой со ставлять *записку* о находкѣ въ парижскую академію. Выписалъ множество новыхъ книгъ. Письменный столъ, стулья, полъ, все это было завалено книгами и рукописями.

Записка толстѣла и толстѣла. Но отецъ не замѣчалъ, какъ душа Миши таяла и таяла... Разныe „*не говори*“, „*тихонько*“, „*не признавайся*“, тасканіе карандашниковъ и проч. и проч. заносило душу Миши чѣмъ-то грязнымъ. Начала виться какая-то черная пытка... По субботамъ на воскресенье отецъ бралъ его къ себѣ.

— Ну, покажи, покажи-ка отмытки! Это, что-же оторванъ уголокъ?

— А это... товарищи возились и нечаянно оторвали.

— Гм... 4, 5, 3, 4, 4... Изъ нѣмецкаго языка 4? Да у тебя большие двойки никогда не бывало!

— Я, напечька, постарался.

Задумался отец и побхалъ въ гимназию. Оказалось, что Миша обмѣнялся съ товарищемъ свидѣтельствомъ, разсчитывая, что, оторвавъ уголокъ, окончаніе фамиліи останется то же.

— Ты совралъ. Это свидѣтельство не твое. Это гадко! Въ наказаніе я цѣлый мѣсяцъ не возьму тебя къ себѣ.

Мѣсяцъ прошелъ. Миша привезъ отцу печальные отмѣтки: *двойки, тройки, единицы*.—Цѣлый мѣсяцъ ни одной книги не дамъ тебѣ читать!..

Миша очень любилъ читать. Онъ проглотилъ и „Робинзона“, и „Конька-Горбунка“, и пѣкоторые изъ романовъ Вальтера-Скотта, „Рустема и Зораба“ Йуковскаго, надъ которыми заливался горькими слезами, и проч... А тутъ какъ нарочно предстояли *ея* имініи и онъ хотѣлъ подарить ей Конька-Горбунка. Да, у него уже былъ *предметъ* — двѣнадцатилѣтняя девочка, дочь одного изъ учителей. Подъ предлогомъ разныхъ справокъ ходилъ онъ къ учителю и *тихонько* цѣловался съ нею по уголкамъ, когда учитель розыскивалъ нужную книгу. Надо было немедленно подарить ей что нибудь... надо... надо!.. Да еще товарища за обмѣнъ свидѣтельствъ угостить пятью инрожными...

„Что тутъ дѣлать, что тутъ дѣлать!

падривался Миха. И налилъ на носу... Въ субботу, придя по обычаю изъ гимназии къ отцу, онъ вѣшилъ свое пальто въ передней и рука его паткинулась на что-то жесткое, лежащее въ пальто отца. Лакей Иванъ, отворивший дверь, ушелъ... въ передней никого. Опять опустилъ руку... Концептъ! „Что если... вѣдь онъ не замѣтитъ... у него много денегъ... Взять“? Шутливо озираясь, онъ раскрылъ концептъ и взялъ три рубля...

Конекъ-Горбунокъ былъ приподнесенъ, съ товарищемъ разсчитался, а на оставшія купилъ флакончикъ одеколону.

Еще годъ пролетѣлъ. *Записка* отца пріостановилась за неполученiemъ какой-то рѣдкой книги, которую обѣщали ему выслать изъ Рима. Опять ждалъ ее съ минуты на минуту. Мнѣ было 14 лѣтъ. Онъ очень любилъ ходить въ театръ. Отецъ давалъ ему еженедѣльно на карманные расходы рубль. Но однажды вышло такъ, что рубль преждевременно рассталъ. (Угостилъ себя и ея брата доинель-кюмелемъ и инрожнимъ). А въ театрѣ шла никогда имъ не виданная „Прекрасная Елена“! А главное, два товарища приглашали послѣ театра на „маленький балъ“.

Какъ быть? Просить у отца... на такую
цѣсю онъ не дастъ.

Господи Боже мой, есть-же такие люди,
у которыхъ деньги лежать мертвыми! На-
примѣръ директоръ, у которого онъ живы:
какая громадиа у него библиотека... а
когда и кто читаетъ эти книги? Да... Свер-
кнуло въ головѣ что-то подлое. „Потому
же... онъ не замѣтитъ, я тихонько, почю.
Ключъ всегда въ шкафу“...

Лунною почю, съ пятницы на суббо-
ту прокрался онъ изъ своей комнаты въ
чулкахъ въ залу, гдѣ стоялъ шкафъ. Но-
вернулъ ключъ, замокъ зазвенѣль... Онъ
замеръ. Сердце билось—билось. Если кто
услышитъ да войдетъ... Притворюсь лу-
наватикомъ. Онъ схватилъ три книги, при-
творилъ шкафъ, не замыкая его — и въ
свою комнату. Сирята книги подъ ту-
фякъ...

Въ субботу надо было идти къ отцу.
Какъ унести книги? Лакей, отворяя дверь,
замѣтитъ... кто встрѣтится... а тамъ вин-
зу еще инвѣйкаръ... Придумалъ! Взялъ
одну книжку и обложилъ ее негодными
тетрадками. Въ передней никого. Сошелъ
по лѣстницѣ внизъ въ ретирадъ. Книгу
положилъ на полку подъ окномъ, при-
крывъ ее кускомъ бумаги. Тетрадки об-
ратио съ собой. Остальные транспорты

прошли тоже благополучно. Директоръ и его семья па другой половинѣ имели въ это время чай.

Директоръ, посмотрѣвъ его отмѣтки, сказалъ: идите къ наценѣцѣ! Надѣвши пальто въ накидку, направился. Сегодня ходиенъко, замѣтилъ лакей, отворявший дверь, надѣли бы въ рукава. — Это вамъ, старикамъ, а намъ ничего.

Зашелъ за книгами. Одну подвязалъ на поясинѣцѣ, другія взялъ подъ мышки и направился къ выходной двери. О счастіе! инвейзара неѣтъ...

Дѣло обошлось великодѣйно. Въ книжной лавкѣ дали за книги шесть рублей.

Ноѣхать съ отцомъ въ барю.—Наценѣка, я завтра пойду въ театръ, у меня осталось 25 коп. А что играютъ? — Не знаю.

Въ театрѣ побывалъ, въ трактире побывалъ, на „баликѣ“ тоже, и даже получилъ въ подарокъ отъ М-ле Дуни ея карточку. Домой вернулся не совсѣмъ твердой поступью, но сонный Иванъ ничего не замѣтилъ. А нянѣка хранила...

Рѣдкая книга получена! Работа закинѣла... Записка готова. Надняхъ все отсылается въ Парижъ.

Минна получила отъ М-ле Дуни запи-

сочку. („Пріїжжай, завтра мое рождение. Твоя Д.“).

„Надо подарокъ, пепрѣмѣнио подарокъ! она такая розовенькая, полиценькая. Но на какія деньги? Ничего не привезти, она разсердится. Часы свои продать — отецъ спросить „гдѣ“. Въ почникѣ... Но вѣдь не сегодня — завтра надо ихъ показать. Да еще Василь Иванову задолжалъ 7 рублей... О бѣдная Дуня, бѣдная... безъ подарка! Тамъ за нею ухаживаетъ гусарь какой-то... она на меня и глядѣть не захочетъ.

Опять засверлила душу и мозгъ какая-то жгучая мысль. Черные нитки, перепутанные въ мотокъ, стали принимать форму какого-то грязного опредѣленного клобука. „Что жъ... онъ собирается опять щать, сдѣлаетъ новая открытія... Ему давали за сго заниски большія деньги, отчего не взять. Самъ виноватъ... Мошка мнѣ это дѣло устроить.

Къ еврею Мошѣ приходилъ въ сумерки какой-то юноша; вышелъ отъ него черезъ часъ. Половина четвертаго утра, изъ квартиры профессора была спущена на бичевкѣ какая-то связка. Ее принялъ человѣкъ въ оборванномъ пальтишкѣ. Городовой это замѣтилъ, но сонъ былъ та-

кой сладкой на зарѣ и ему показалось—
что это во снѣ...

У профессора сидѣлъ директоръ гимна-
зіи. Высказалъ, что уже года два онъ не-
доволенъ его сыномъ. Удивляется, откуда
у него деньги и вообще просилъ бы не-
редать его кому нибудь другому.

— Ну, вы его строго не судите. Моло-
дѣцъ, перебродится. Наказать конечно
слѣдуетъ. А вы знаете: завтра я нако-
нецъ посылаю!

— Завтра?

— Да, да. Иѣтъ, вы обратите только
вниманіе... Профессоръ открылъ шкафъ и
отшатнулся.

— Иѣту!!.. гдѣ?.. чѣмъ?!

— Иванъ!

— Что прикажете?

— Гдѣ... тутъ... рукоши, кость, бра-
слетъ?..

— А я почемъ знаю. На что миѣ ва-
ши кости: у меня, слава тебѣ Господи,
свои есть.

Профессоръ стоялъ блѣдый какъ мерт-
вецъ. Руки и ноги тряслись.

— Надо въ полицію... къ полиціймей-
стеру... А, позволите, можетъ папя...
Няня!

— Вы ихъ, сударь, ужь лучше по тревожите: онѣ такъ хватили, что и-и-и!

Позвали пялю.—Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Миѣ крайне тяжело... по поведеніе вашаго сына... сказалъ директоръ.

— Какъ?!! Вы полагаете...

— Двое изъ его товарищѣй видѣли у него вчера три двадцати пяти рублейыхъ бумажки.

— Онь... Онь... Пришлите, пришлите его, пришлите!!

Отецъ, согбенный, ограбленный, стояль оперинясь рукою на столъ. Сынъ воинъ бойко и смѣло, нахально покручивая пробившися усники.

— Митя... Митя... Это ты сдѣлалъ?

— Что?

— Ты знаешь *что!* вырвалось тяжелымъ вздохомъ изъ груди отца.

— Ничего, напеченька, я не знаю.

— У меня проиграли моя золота и вещи.

— Что вы говорите!

Професоръ помоталъ головою и тяжело вздохнулъ.

— Гляди миѣ въ глаза.

— Извольте.

— О-о-о, какая же ты дрянь!

— Вы меня оскорбляете, я уйду.

— Стой, стой, говорить тебе! Я хочу говорить с тобою. Я молчать, сколько лежать молчаль. А многое было не по душѣ.

— Кто же вамъ велѣлъ молчать.

— Я работалъ, понимаешь ты, я *работалъ*. Надо было твою мать и тебя кормить. Твоя мать меня бросила, я хотѣлъ работой задушить мое горе...

— А меня оставили на рукахъ пьяной пиянки...

— О, какія жестокія слова! Они не твои.

— А чьи же?

— Я не знаю, но не твои. Можетъ вычитать гдѣ... *Мой* Миша давно бы мне сказалъ, что у него *такая пиянка*.

— *Мой* отецъ давно замѣтилъ бы, что у сына такая пиянка.

— Что ты говоришь, что ты говоришь! онускаясь въ кресло, точно обожженній молией, ленсталъ профессоръ.

— Я не понимаю, чего вы хотите...

— Хотѣлъ, а теперь ничего не хочу. Хотѣлъ *признанія*. У меня въ жизни были—наука, жена и сынъ. Труды по наукѣ укради, твоя мать меня бросила, а ты!..

— А я?

— Обокрали. Уходи. Безъ вѣсъ обой-

дусь. Я привыкъ страдать. Я могъ бы разыскать эти вещи, но не хочу чернить мое имя... За твое воспитаніе я платить буду. Живи какъ знаешь, я тебя видѣть не хочу. Живи по своей теоріи, что, моль, если бы земля висѣла на шелковинѣ, и эта шелковинка нужна для твоей приходти,—рѣжь ее, пусть все летитъ къ чорту! Уходи. Я не знаю тебя. Я помню только какого-то безстыднаго воришку. Но помни: у тебя также могутъ быть дѣти. Не дай Богъ, чтобы они съ тобой поступили такъ. Уходи, уходи!

Сынъ повернулся и ушелъ. Вреть, думать онъ, простить!

Вечеромъ Миха былъ молчаливъ, избѣгалъ товарищѣй. А ночью... поднялась въ душѣ нестерпимая тревога. „Смычокъ“ добра и чести заигралъ, на душѣ что-то ужасное, мучительное... но все тише, тише—и все умолкло. „Простить“!

Профессоръ рѣдко становъ бывать дома, являлся только почевать. Мебель, вещи, все напомяло на него нестерпимую печаль.

Нянькѣ и кухаркѣ было отказано.

— Это что же, сударь, мы значить безъ кухни? спросилъ Иванъ.

— А... что? Да, да безъ кухни.

— Это выходить, миѣ на старости лѣтъ
илиться по кухмѣстериамъ.

— Я буду выдавать тебѣ деньги.

— Лѣтъ ужъ, сударь, стыдно миѣ... Не
тѣ годы... Пожалуйте разсчетъ.

Однѣ - одишененекъ остался профессоръ. Зайчикъ куда-то сѣхжалъ, бывшевъ-
кая давно околѣла, а Дружка опь пода-
рилъ университетскому инвейцару.

Аудиторія рѣдко стала его видѣть. Но за
то часто его видѣлъ Коленька Чуриковъ.
Этому Коленѣку было лѣтъ 40. Постав-
ленъ онъ былъ отъ отца заправлять лав-
кой. Но такъ ею заправилъ, что только
энергія брата удержала всю семью отъ
отправки въ тартары. Съ этимъ Коленѣ-
кой они собирали статистическія свѣдѣ-
нія относительно достоинства наитковъ.
Водку закусывали пивомъ, пиво водкой,
вино коньякомъ.... Ходили въ грязи, въ
пыли. Встрѣтилъ профессоръ въ одной
изъ гостиницъ старыхъ знакомыхъ по
театру. Тутъ еще больше ишло... При-
деть, бывало, купить въ кассѣ кресло, но
не сидѣть — идеть за кулисы. Сидѣть вер-
хомъ на стуль, сложить руки на спинкѣ
стула, положить голову и дремлѣть.—На-
чинался шумъ, вызовы.—Кончили? спро-
сить онъ.—Нѣтъ. Оиять синтъ.—Кончи-

ди? — Кончил. — Ну, Федоръ же. Водичка, пиво; пиво, водичка и т. д.

Раза два очнулся онъ. Побрытесь, прядьнется. Камрады встрѣчали приходъ его въ университетъ съ какою-то боязнью, студенты шептались... Но надо было слышать его лекціи въ это время. Каждая фраза сверкала огнемъ, вбивалась въ мозгъ и въ душу *гвоздикомъ*. Это были вспышки потухающей ламиадки.

На житѣе ему оставалось мало. 600 руб. высыпалъ женѣ, 300 Машѣ, котораго исключили изъ гимназіи, но отецъ все-таки аккуратно высыпалъ ему по адресу 25 руб. въ мѣсяцъ.

Но молодежь его любила, и нѣтъ-нѣть приходила до 10 часовъ утра за совѣтомъ...

Прошло четыре года.

Есть у насъ въ городѣ громадный домъ. Кто-кто въ немъ не живеть: художникъ-хозяинъ, дирижеръ оркестра, управляющій мельницей, кухнистерица, механикъ, актеры... актеровъ больше всего... Сверхъ того что-то 20 собакъ, 17 кошекъ, двѣ дюжины щенятъ, 14 вѣчно грызущихъ прислугъ и одинъ дворникъ. Но дѣло не въ этомъ.

Кухнистерица сверхъ стола отдавала и квартиры. Одна комната стояла у нея пустая.

Одинъ актеръ порекомендовалъ ей „милагро“ молодаго человѣка, получающаго въ годъ отъ отца 300 руб. — Чѣмъ же онъ занимается? — Пока ничѣмъ. — Такъ онъ можетъ изъ этихъ... стрѣлять... О, иѣтъ, осклабился актеръ, выказывая свои бѣлые зубы. Онъ ждетъ мѣста, ему обѣщали. Я съ нимъ познакомился въ гостиницѣ. Но вы понимаете: милейшая личность! Въ гостиницѣ онъ задолжалъ 15 рублей, взяли въ залогъ его венци. Вотъ-вотъ получитъ отъ отца... Примите!

Пришла. Молодой человѣкъ пришелъ въ сюртукѣ, въ фуражкѣ, безъ всякаго багажа. Действительно, казался очень симпатичнымъ: славные глаза, лобъ, нечайно улыбающіяся губы.

— Хозяюшка, шонотомъ подозвать онъ хозяйку.—Что?—Купите миѣ водочки коньякъ на 30, получу деньги, отдамъ. Купила. Уснула не обѣдавши... Хозяюшка, шонотомъ подозвать онъ ее вечеромъ.—Что?—Какъ бы еще водочки? А хозяюшка была все равно, что наковальня, сколько ее молоткомъ ни колоти, все выносила. И табакъ она давала, и чай, и сахаръ, и свѣчи. Купила... Въ третій разъ отказалася.—Я сама бѣдная женщина, у меня четверо дѣтей... миѣ платить неаккуратно.

Онъ познакомился съ актеромъ и иль на его счетъ. Бывало актеръ спитъ, а выпить нужно: *тихонько* войдеть въ его конуру и ищеть, где бутылка съ водкой... Обращался къ кое-кому во дворѣ съ просьбою дать ему 30 копѣекъ. Всѣ отказали. Опять къ актеру. А вѣдь известное дѣло: у актера душа, что рѣшило порванное. Удѣлять... Хохлашка, служившая у кухнистериини, заявила ей:

— Утикаю, паничъ все пье, пье... не управляясь поль прибирать....

Отказали ему отъ квартиры. Надѣль онъ свою шапочку и побрелъ. Руки и ноги у него дрожали. Въ груди огонь, въ головѣ пламя, бившее въ темя и въ виски... Онъ охмѣлиться нечѣмъ!

Онъ направился къ *Босому баталіону*.

Темная, непроглядная ночь. Изъ любви къ профессии (я актеръ), а отчасти изъ любви къ дешевой рюмкѣ водки и кружку пива, направились мы съ профессоромъ въ подходящемъ одѣяніи въ *Босой баталіонъ*. Профессоръ давно сталъ избѣгать хорошихъ гостиницъ: тамъ при его появлениі инсцелились, указывали нальцемъ. Онъ сталъ искать темные уголки...

Босой баталіонъ... это большая мрачная комната. Три-четыре ламины, три-четыре

стола, покрытыхъ какимъ-то тряпьемъ, остальные столы такъ. За буфетомъ *ночной* буфетчикъ, здоровый мужикъ, по вѣчно блѣдный какъ мѣль. Онъ дежурилъ отъ 8 час. вечера до 8 час. утра, сиалъ днемъ. А какой соцѣй днемъ! Почная прислуга имѣгала кто съ бутылкой иша, кто съ водкой и приложениою къ ней маслинкой.

Спросили себѣ водочки. Буфетчикъ безъ спроса, видно смекнувъ какіе гости, прислаѣ на кусочкѣ булочки два кроичныхъ кусочка балычка.

Въ одномъ углу сидѣлъ парень съ разстегнутымъ воротомъ рубахи и съ жаромъ толковалъ съ какою-то бабенкою. Передъ ними стоялъ вустой графинчикъ.—Нѣтъ, ты пойми... я ему говорю, а онъ мнѣ говоритъ: разсчетъ... штрафы! Что такое... Господи! ну, бывало вынимши, да вѣдь когда отъ тебя ворочался, надо же онохмѣлиться! Самъ же пить только дорогое, и прислуга все это скрываетъ. А у меня гдѣ прислуга! Ну-ка... То-то и оно! Мальчуганинчикъ, графинчикъ водочки.—Деньги-сь?—А подсевку взяли.—За прежнее съ. — Постой, остановила бабенка. Иа, отдай платокъ. Платокъ исчезъ. Водка явилась.

Рядомъ помѣщалось существо въ обор-

ваниемъ загрязненомъ подобий рясы.
„Выгнали“... глубокомысленно разсуждали
онъ, поивая водочку. „И-и-да.. А разѣ
не было примѣровъ... вотъ еще писать
этотъ, какъ его... въ „Русской Старинѣ“...
самъ сподобился... Того и есть.

Подошелъ къ стойкѣ худой, длинный
нищій. И узналъ его. Это мой кумъ. Онъ
былъ рабочимъ въ театрѣ. Его за пустяки
выгнали. Жизня въ нуждѣ и холодѣ, про-
студилъ мою крестницу — умерла. И онъ
началъ пить... Бросить на стойку 10 кон.,
валили ему стаканъ водки. Трясущеся
рукой взялъ онъ стаканъ, половину рас-
плескалъ, молча выпилъ и молча уѣхалъ
у порога.

Подбѣжалъ къ буфету маленькой чер-
ненькой, не то портиой, не то саножникъ.

— Родился сынокъ, махонький, со слезами
заплакалъ онъ. — Да ты говори, что нуж-
но. — Что нужно... Ахъ! ударилъ онъ себя
въ грудь. Стаканчикъ... — Деньги? — До-
вѣрьте, прежде довѣрили. — Проваливай. —
Ахъ ты, Матерь Божія. Жилетку возь-
мите? — За стаканчикъ можно. Иди въ
заднюю комнату.

Въ другомъ углу спалъ на лавкѣ какой-
то молодой человѣкъ безъ сюртука. Лицо
его было изнуренное, блѣдное. На полу
лежали трое мальчишекъ въ лохмотьяхъ.

— Развѣ у васъ позволяется снать? спросилъ я у буфетчика.— То есть, какъ сказать... по знакомству-съ... бояки, жалко-сть.

Вошли новые посѣтители — приятно одѣтая женщина съ ребенкомъ и солдатъ. Почему-то мнѣ сдалось, что это чья-то пяня, запоздавшая съ прогулки съ ребенкомъ.— Ну-ка на двугривенный — два шкалика. Женщина положила ребенка на скамейку и подошла къ буфету. Вышли. Ребенокъ повернулся и свалился на полъ...

— Баталіонъ, стройся! властѣль Коленъка Чуриковъ. Мальчишки вскочили и встали въ шеренгу.— Водки! При деньгахъ, 2 рубля... Скорымъ шагомъ марши... Мальчишки промаршировали.

— Николай Ивановичъ! сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Дерзай!

— Дайте 25 кон. Я вамъ послѣ завтра отдамъ.

— А какъ ты дерзновеній отдать мнѣ? Отвѣтствуй.

— Завтра въ театрѣ бенефисъ, билеты все проданы, осталась только галерка. Я возьму на галерку и перепродамъ его, заработаю что нибудь.

— Получай!

Въ это время рука другаго мальчика

была въ карманѣ моего пальто. Я ее поймалъ.—И ты хочешь 25 коп.

— Дяденька, задрожалъ мальчишка.

— На, возьми, но въ другой разъ лучше проси, а не воруй.

— А это что за птица спить? заоралъ Чуриковъ. Вставай!

— А?...

— Вставай, будемъ итти. Отецъ духовный, подходити и ты.

Молодой человѣкъ безъ сюртука всталъ, мутно поводя глазами.—Я сейчасъ... Ушелъ на улицу.

— Мусью, обратился Чуриковъ ко мнѣ. А, профессоръ, здорово? Выньемъ на *счастье*, сообща. И этотъ мусью мнѣ что-то знакомъ.

— Я пью всегда на свои, отвѣтилъ я.

— Значитъ, трюллю малина! Претлично. „Безъ сюртука“ вернулся и не вышелъ, а высосалъ стаканчикъ.

— Музыка играй! Сидящій въ сторонкѣ бѣлобрысый изможденный молодой человѣкъ, харкая кровью, началъ пилить что-то на скрипкѣ.

— Неужели онъ, неужели онъ! шепталъ профессоръ. О несчастный, о несчастный!

И онъ не отводилъ глазъ отъ молодаго человѣка „безъ сюртука“.

Буду короче. Чуриковъ прошлъ 2 руб., пиджакъ, а „безъ сюртука“—саноги. Подошелъ къ намъ Чуриковъ и говоритъ: позвольте 8 коп. Мало... жжетъ...

— Извольте. Чурикова, какъ уважаемаго сына купца 1-й гильдіи, отправили въ рубахѣ на извозчикъ *домой*. „Безъ сюртука и саногъ“, съ мотающейся однай портняжкой на ногѣ — выпроводили *на улицу*.

...Бесовой баталіонъшибко укомплектовался. Даже собаченка какая-то приблудилась... Каждую минуту баталіонъ могъ двинуться въ *дѣло*, потому что былъ безъ приварка и одежды. Какъ древніе германцы, или они въ битву полунатими...

Профессоръ былъ неимовѣрно печаленъ. Я вызвался почевать у него. При нашемъ уходѣ исчаялся шумъ и говоръ.—Что такое?

— Да вотъ окачурился одинъ.

Подъ лавкой на земляномъ полу лежалъ человѣкъ въ рубахѣ и портахъ, держа въ худой какъ кость рукѣ смятую засаленную бумагу. — Опился! — Ударъ хватилъ.

Стеклянные, на вѣки сомкнувшіеся глаза точно указывали на эту бумагу.—Кто такой?

— Да вотъ мѣсяца два пріютился. Маль-

ченокъ у него есть, синть теперь у насть въ сараѣ, отвѣтилъ буфетчикъ. Извѣстно, *безъ жены и матери.*

-- Гдѣ мальчикъ? раздался металлическій голосъ профессора. Глаза его сверкали тѣмъ огнемъ, который студенты привыкли видѣть у него на каѳедрѣ.

-- Я его беру къ себѣ!

-- *Молись и къ берегу пребись!* промолвила ниццій, поднявъ руку надъ головою.

... Одинъ изъ рекрутовъ босаго батальона видимо сбѣжалъ...

А Мотылекъ, что стало съ Мотылькомъ? О, Мотылекъ *давно* уже нашелъ *свой* баталіонъ.

Печрасовъ, на вопросъ „Кому на Руси жить хорошо?“ отвѣтилъ -- *нияному!*

Правда это?

VII.

Халатъ.

I.

ТОТЬ халатъ... Иѣтъ, начиу
лучине съ самовара.

Самоваръ выводилъ на столъ
знакомую намъ съ дѣтства пѣ-
сенку. Ей вторилъ храпъ сия-
щаго на кровати господина, подъ охра-
ною пашки, пистолета и лосьихъ роговъ,
украшавшихъ коверъ, прибитый на стѣ-
нѣ. Горѣла свѣча...

— Котикъ! а Котикъ! произнесла его
супруга, дама очень худая, но вообще
очень пріятная, съ повѣстю въ рукахъ
„Марина изъ Алого рога“.. - Николай Пет-
ровичъ! Вставай!

— М-ммм...

- Да проснись!
- Не дамъ!
- Да ну-же! вставай-же!
- А?... это ты... а гдѣ-же?
- Что?
- А это... Управляющій сказалъ, что мужики за уборку рожи просятъ 75 кои., капалы!..
- Да что ты; или ты еще спишь? Чай пора иить.
- Да я всю рожь лучше сожгу!!
- Опоминись, какая рожь... было да спыло.
- У-у-хааа... Ч-е-къ!
- Какого еще человѣка захотѣлъ! Одна Фешъка, да и той за три мѣсяца должны.
- М...да... Вотъ и живи послѣ этого. Связалъ меня Богъ съ тобой!
- Ахъ ты, дуракъ этакой! Навязывалась я тебѣ?... навязывалась? Невидаль какая.
- Ну, ну! потише!
- Мужикъ вы. Только ругаешься, да дрыхнесте, глупый индюкъ.
- Сама ты индохандія! Въ этомъ лбу довольно, не пропаду.
- Не пропадешь съ тобой! Послѣднюю тысченьку вынимаемъ изъ банка... Послѣ стотысячного состоянія! Вонъ который разъ изъ лавки приходятъ.

— А чего имъ?

— Того, что бѣзъ чаю, сахару и свѣчей останемся. Отъ портнихи тоже приходили. За квартиру требуютъ... Къ мировому потащать, тогда запоешь!

— Я самъ ихъ къ мировому! Вѣрять въ долгъ, такъ чего съ ножомъ къ горлу пристаютъ? они Ѳеть хотятъ и я Ѳеть хочу. Баба ты и больше ничего!

— Николай Петровичъ!

— Я, матушка, въ цѣломъ иолку умнымъ слыть. Это какъ-то сразу свихнулось... а не то што! Э, да что съ тобой воду толочь! Филька!.. то бишь, Фенька! Что же умываться?.. Фенька...

— Да несу-у!

— Явилась замазанная дѣвченка съ рукомойникомъ и табуреткой.

Николай Петровичъ сталъ умываться. Слышно было одно фырканье; брызги летѣли во всѣ стороны. Жена усѣлась за самоваръ; не вытерпѣла и опять заговорила:

— Мѣста искалъ бы, а то валяешься все на кровати.

— Меня имѣютъ въ виду, обѣщали.

— Даже халатинка у тебя иѣтъ, все платье истрапалъ. Чистиши-чистиши, руки не слышишь.

— Это ты хорошо... Халатъ сшить можно.

— Ну, и сией.

— Ну и сошю. А гдѣ же... это? обратился онъ къ Фенькѣ.

— Чего?

— Какъ оно... полотенце?

— Да грязное.

— Ну, вотъ извольте видѣть. А меня нилять... Дай какое ни па есть! Налей-ка стаканчикъ.

— Налила.

— Феничка, а ты вотъ что... Принеси-ка *слезинку* и кусочекъ чернаго хлѣба съ солью.

— Фенька принесла на подносикѣ рюмку водки и кусочекъ хлѣба. Николай Петровичъ выпилъ и крякнулъ.

— Теперь ты, милѣйшая Федосья Никитинша, сбѣгай внизъ къ портному, да скажи, чтобы онъ завтра пришелъ ко мнѣ. Баринъ-молъ хочетъ шить халатъ. Мигомъ, одна нога здѣсь, а другая тамъ.

Фенька принесла отвѣтъ, что портного неѣть дома, а сказала его женѣ.

— Ну, ладно.

II.

— Ну, говори же.

— Сейчасъ, пальчики сложу.

Разговаривали мать и дочь. На косяч-

кѣ передъ маленькимъ мѣднымъ складнemъ и распятіемъ, нарисованнымъ на листѣ бумаги, теплилась лампадка; въ два оконца, выходившія на тротуаръ, брезжилось сіяніе звѣздъ. Этотъ двойной свѣтъ озарялъ мать съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, а около на колѣняхъ дѣвочку лѣтъ пяти, растопырившую пальчики правой руки и занятую прикладываніемъ трехъ пальчиковъ для крестнаго знаменія.

— Готова?

— Готова.

— Ну... Во имя Отца...

— Во имя бати...

— Какого бати? Отца.

— Ну, да! Отецъ—батя.

— Батя — *тебѣ* отецъ, а Божинька — отецъ для *всѣхъ*. Кто молится ему — тому онъ даетъ здоровье, булочку. Божиньку называютъ всѣ отцомъ. Ну, начинай. Во имя отца и Сына...

— Постой, я знаю. Во имя Отца и братца Пети...

— Какого Пети! Во имя Отца и Сына... Божинькина Сына?

— А у него былъ Сынъ?

— Быть.

— Маленький?

— Сначала маленький, а потомъ выросъ. Онъ былъ добрый, всемъ помогалъ,

а злые люди взяли его и приколотили его руки и ноги гвоздями ко кресту. Видишь на картинкѣ?

— И кловъ ила?

— Шла.

— Ну, молчъ же.

На этотъ разъ возраженія не было.

— Ты вотъ, мама, все сиолишь со мною, оттого я и путаю.

— Ну, хорошо, дальше...

— Я сама. Дай, Божинъка, здоловье Батъ... Видишь, мама, я сама знаю.

— Умница.

— Дай Богъ здоловье батъ, мамъ, мнъ младенцу Екателинѣ и кошечкѣ.

— Что ты, что ты! кто это тебъ сказалъ?

— Сама. Кошечка такая маленькая, бѣленъкая, а ты ее и логнала. Ей холодно. Дѣвочка улыбнулась, улыбка была такая просительная.

— Грѣшино, душенька, нельзя. Ей не холодно, ее взяла хозяйка. Ну, раздѣвайся и ложись.

Дѣвочка поцѣловала мать и стала раздѣваться.—А батя где?

— Батя на работѣ, шетъ.

Мать вздохнула.

— Что ты, мама, не сошьешь мнъ другаго одѣяльца; это совсѣмъсталое.

— Сонью, сонью.

— А тюфячекъ куиши? У Миии тюфячекъ есть.

— Куплю.

Дѣвочка усѣлась у печки на какомъ-то тряпье. Мать усѣлась около нея на табуреткѣ.

— А ты сколо ляжешь?

— Дождусь бати.

— А чѣмъ же ты уклоенішься?

— Укроюсь, сини.

А въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же она укроется? Кругомъ все вещи не подходящія. Бѣлый столъ, опрокинутый большой ящикъ, маленький ящикъ изъ-подъ стеариновыхъ свѣчей съ рожкомъ на шнурочкѣ (Петькина колыбель), табуретка, кошелка; на полу въ углу подобіе сѣнника, засаленная ситцевая подушка; на стѣнѣ зеркальце, полотенце; на плитѣ жестяной чайникъ, два-три горшка; на полочекъ двѣ чашки съ однимъ блюдечкомъ... Въ сѣницахъ ведро съ водой, рогожка съ углемъ—и все. Укрыться мудрено. А, нѣтъ, главное упустиль—зслепній сундукъ въ комнатѣ, можетъ что въ немъ сирятано? Онъ подъ замкомъ. Нѣтъ, не надо и отишратъ. За дверью на гвоздикѣ виситъ рваный, теплый, сѣрый платокъ. Это ея *однѣяло*, *бурнуясь* и *шуба*.

— Мама, говорила девочка засыпая, когда я буду большая, я тебе куплю пелену, одеться богатое-богатое изъ классныхъ и желтыхъ кусочковъ, а батя съ Петей будут у меня сидѣть на клеслахъ.

Уснула. Мать покормила ребенка и положила его въ ящикъ отъ свѣчей. Все затихло. Едва слышно сонѣли дѣти. Она сидѣла на табуреткѣ между шими, не шевелясь и не дремля, неподвижная какъ статуя, устремивъ глаза на распятіе. О чёмъ она думала?

Не знаю. Знаю, что ся глаза наполнились слезами и эти слезы надали на колѣни. Наконецъ сонъ ее осилилъ. Отставивъ табуретку, она легла на голый или тяжелый полъ, положивъ тихонько голову на уголокъ Катюшкиной подушки.

III.

Темное небо сияло звѣздами. Городъ засыпалъ; огни потухли. Рѣдко гдѣ сквозь ставни, какъ линка, намѣченная фосфоромъ, былъ свѣтъ, ярко ложился на мостовую, расходился по ней шире и шире, блѣдиѣя и блѣдиѧ. Дворники, укутанные въ тулуны, исправно исполняли свою обязанность: спали... Да и что было имъ дѣ-

лать? хожалые провалились погрѣться въ ногребки. Гладь — и благодать... Тишины полной только не было. Въ ногребахъ, въ трактирахъ, въ отдельныхъ комнатахъ при ресторанахъ все что-то гудѣло, гомонило, раскатывалось то хохотомъ, то вырывалось крикомъ. По базарамъ шмыгали какія-то тѣни... Гудѣло что-то и подъ землею. Вообще, чудной нашъ городъ. Кажется спитъ, а на дѣлѣ — нѣть: разговариваетъ. Разговариваетъ подъ аккомпанементъ рояля въ гостиницыхъ о сладкихъ и разжигающихъ предметахъ; разговариваетъ въ кабинетахъ обѣ учетѣ, граціонныхъ дняхъ; разговариваетъ въ почлежныхъ домахъ о кускѣ хлѣба; въ ногребахъ-дешевкахъ, гдѣ на голой землѣ за пиятакъ или 3 коп. спятъ рядомъ дѣти, дѣвушки, мужчины, и сочится на нихъ содержимое помойныхъ ямъ; а тамъ, еще ниже, глубже, въ минахъ, изъ камня которыхъ выросъ нашъ чудной городъ, шевелятся и гомонятся люди въ рогожахъ, въ мѣшкахъ вмѣсто всякой одежды, ожидая—вотъ-вотъ нагряпеть *облава*... Развѣ возможно было дворникамъ и хожалымъ слышать это глухое клокотаніе жизни? Да еще въ какую ночь? Послѣдию ночь ма-сляницы...

А тутъ еще послѣ двухъ-дневной отте-

пели морозъ крѣпчалъ и крѣпчалъ. Небо становилось синѣе. Оставалось получше закутаться въ тулупъ, либо пріотворить тихонько дверь, изъ которой свѣтить огонь, спуститься по крутой лѣстницѣ, держась за веревку, очутиться среди теплого, затхлого воздуха, клубовъ дыма, дерябнуть стаканчикъ и закусить ржавой селедкой,

Среди глади и благодати, царившихъ и въ Кривомъ переулкѣ, вдругъ ворвались звуки трепака на гармошкѣ. Играли въ чайномъ заведеніи, около котораго стояло съ десятокъ дрожекъ. Это чайное заведеніе было раскрыто цѣлую ночь для извозчиковъ. Трепакъ шелъ па славу... Дворникъ не выдержалъ, бросилъ караулить лошадей и вошелъ въ трактиръ. Надо всѣмъ стоять какой-то парѣ. Бряничали крышки отъ чайниковъ, звенѣли блюдочки, лезготали несомые графинчики и рюмки. Все говорило, гудѣло за-разъ. Это въ первой комнатѣ. Во второй, па столахъ, покрытыхъ сальными прожженными скатертями, стояли полупустые и пустые графинчики, валялись корочки отъ лимоновъ, подаваемыхъ маленькими кусочками для закуски; виднѣлись лужи разлитаго пива... Публика здѣсь была чистая, въ протертыхъ и порванныхъ инджакахъ, визиткахъ... Одинъ маленький, чериенький, въ

рваномъ сортучикѣ, крутился какимъ-то
бѣсомъ подъ гармонику, на которой игралъ
видимо фабричный.

— Важно! жарь! подбавь! руби! раздавались голоса. И онъ действительно на-
жаривалъ и рубилъ.

Въ Ванькѣ пляшутъ всѣ суставы
Съ ногъ и до ушей.
Пляшутъ ноздри, пляшетъ въ ухѣ
Бѣлая серыга.
Ванька весель, Ванька въ духѣ —
Жизнь не дорога!

— Ф... у... баста! Не могу, повалился
и лясынъ на стулъ.

— Ну дьяволъ, право дьяволъ! восхи-
щался дворникъ.

— Дворникъ здѣсь, землячки? вошелъ
съ надворья извозчикъ.

— Чего? осерчалъ дворникъ.

— Да овесца лошадкѣ.

— Иду-у... Церо! летасть лѣший!

— То-то и оно! говорилъ и лясынъ, у-
васъ что тутъ: грекосы да жидова, маслины
да чеснокъ. А мы вотъ интерскіе какъ.
Кумъ, угощай!

— Будетъ съ тебя, отозвался почтальонъ,
но росту и дородству скорѣе похожій
на какого нибудь и право-фланговаго. Ужъ
и то два графиничка уложили, а у меня
завтра вѣдь дѣло.

— Дѣло... Э-ахъ, кумъ, кабы ми-то
дѣло, ахъ ты Господи!

— Чего зубами-то скришишь?

— Заскришишь. Съ горя вѣдь все это...
Ставь маленькой.

Кумъ постучалъ по графину пробкой и
велѣлъ подать маленькой графинчикъ.

— Вотъ за это люблю. Генераль ты...
вѣрно тебя прозвали! Ты вотъ дома спать
будешь, а я—если не выпью еще—несча-
стный я человѣкъ! Зубы ростуть этакіе
большущіе...

— Очнись!

— Чего? Тутъ такая исторія... страсти!
Ростуть этакіе, знаешь, большущіе... все
волны, волны вокругъ... желтые, черные
въ головѣ... а зубы все большие и большие.
Такъ кажется саданулъ бы, всю землю на
сквозь просадилъ бы!

— Ну, Агапка, ты этакъ скоро до чер-
тей напьешься.

— А ужъ одинъ копецъ! За дурака меня
считаютъ. Кабы я дуракъ-то былъ... Не-
счастный я уродился человѣкъ, а-ахъ! до-
кончилъ онъ всхлипывая.

Глядя въ глубокіе глаза, видя какъ тре-
петала каждая жилка на его лицѣ, у ку-
ма не разъ ищевелилось въ душѣ: нѣть, не
дуракъ онъ!

— Ну, и опло. Дѣвка ты, что-ли? Нехо-

роню, глядя... То плашь, то плашь...
Выньемъ-ка.

— Это я могу. Твое здоровье, Генераль.

— Ней свое

— То-то и есть. Тебя вѣдь и дубиной
не свалишь. Жену, дѣтокъ схоронилъ, а
самъ какъ утюгъ какой... Скобелевъ... А
я что? Пуговочка маленькая, рыбка, вы-
брошенная на ледъ. Отца, матери не ви-
дались... бросили у избенки какой-то... вы-
корчили чужие. Помѣщикъ отправилъ въ
Питеръ вмѣстѣ со свиными тушами и по-
росятами къ Рождеству. Пихнули меня
къ какому-то портному... А колотили-то,
колотили... страсти! Но Агафка не про-
палъ... Первый закройщикъ Агафка сталь.

— Ну вотъ видишь, чего же скру-
щаться.

— Нѣтъ, ты стой. Первый закройщикъ...
жена красавица... рукодѣльная... Катюш-
ка родилась, тамъ Варька... за квартиру
плати, дѣтокъ одѣвай... Все полетѣло къ
чорту. То-то и оно. Нелегкая дернула ио-
слушаться пріятеля — перебраться сюда.
Золотое дно, говоритъ... И тощиво-то ии
по чемъ, и квартира дешевая. Поѣхалъ.
Городъ незнакомый, никто не знаетъ.
какъ достанешь работнику? А тутъ Варь-
ка номерла... докторъ, лекарства... Петъка
вынырнула на свѣтъ Божій... Хоть умирай!

— Все это, Агапъ Лукичъ, слышать я отъ тебя. Крѣпнться надо. Меныше заливай глаза. Нашему брату тоже не сладкое житье. Вонъ въ почтамтѣ сколько пустыхъ квартиръ, а много ли тамъ живеть? Живешь у чорта на куличкахъ, что одной обуви истрапелишь.

— Все-таки у тебя какое ни-на-есть жалованье. А у меня что? блоха на арканѣ.

— Ну и мы не богаче. Служили я въ одной треклятой сторонкѣ. Какіе порядки у насъ были — смѣхota и горе. Почтмейстеръ побѣжалъ это ревизовать почтовыя конторы,—цѣлыи уѣздъ проинустилъ...

— Не замѣтилъ?...

— Ему сейчасъ денежная награда. Полька у него была, вывезъ изъ Варшавы, всѣми барынями крутила, а тѣ мужьями...

— Это пархатый Гершко зарѣзать меня, изливалъ свое горе Лукичъ,—боялся, что меня возьмутъ въ подмастерья. Кивиѣтъ своей Ривкѣ, а та и водочкой, и фаринированной щукой. Я, говорить, Агапъ Лукичъ, слышали, хозяинъ хороший заказъ хочетъ вамъ дать. Да въ пьяномъ-то видѣ и представилъ меня хозяину... Ну, зарѣзать...

— На другую ревизію набрали съ со-

бою удочекъ. Ну, думасъ, вотъ рыбы-то наловить! Наловилъ. Поймалъ лошадь, корову и телку. Ревизіи-то не дѣлать, а просидѣль въ деревнѣ у ирятеля. Благодарность! А мы оборванные, безъ саногъ...

— Ну, ужъ нападись только, жидъ проклятый!...

— Въ присутствіе ходилъ съ двумя большущими псами. Такъ и поровили треклятые за ляшку хватить, а птанишки и безъ того—кисейка какая-то.

— Штаны я починю, плевое дѣло. Первый закройщикъ...

— Разъ какъ я лягнулъ этого пса каблукомъ по мордѣ — въ кровь! Ну меня и вонъ... люди пособили сюда добраться.

— Какъ бы, Генераль, еще графинчикъ?

— Будетъ. И днегъ липнихъ пѣть, и на боковую пора. Тебѣ-то рукою подать, а мнѣ семъ верстъ киселя кушать по гололедицѣ.

— Гололедица? Дойдемъ... Кумъ, вѣдь дойдемъ.

— Мальчуганчикъ! сколько?

— Ровнехонъко рублики-сь. Два графинчика по сорока, одинъ двадцать копѣечекъ.

Вышли на улицу.

— Звѣздѣ-то сколько, Генераль. Это

вѣдь все души и праведныхъ. Можетъ эта звѣздочка душа Варюшкина, а?

— Да, и смотритъ, какъ мы болтаемся нынѣ.

— Нѣтъ, кумъ. Я все понимаю, все помню. Даже и то помню, чего не надо бы помнить. Процело хороше... пропало! заколотилъ онъ себя въ грудь, посколькулся и кончилъ, сидя на обледенѣломъ снѣгѣ.

— Дай-ка руку, подъ руку пойдемъ. Я вѣдь тебя знаю...

— Что ты знаешь...

— Нѣтъ, постой. Я знаю...

— А я говорю, не знаешь.

— Ну, вотъ твои ворота. Можетъ, довести?

— Провести, меня, жиду пархатому? Ну, это дудки. Лопнеть. Убью, загрызу!...

— Чего орешь, дурень. Я говорю, домой пришли.

— Что?.. Домой...

Найдешь квартиру?

— Прямо... въ уголкѣ... пять ступенекъ внизъ... и прежде кухня была... ноль изъ плиты, что твой паркетъ.

— Ну, прощай.

— Прощай.

Генералъ зашагалъ.

— А штаны тебѣ я всегда могу! говор-

риль Агапъ Лукичъ, пробираясь по двору. Дома снять. А что-жъ такое? Я хозяинъ... и все. Кумъ, гдѣ ты? Ушелъ... А Катюнка у меня молодецъ... на выставку!.. Кажись ступеньки...

IV.

Въ оконца глядѣло утро, а дорогой утренний гость — солнышко, уже мазнуло розовымъ свѣтомъ звѣздочки и вѣточки на запидевѣвшихъ стеклахъ. Малаша умылась, помолилась Богу и стала разводить иницу.

— Эко горе, угольевъ-то мало. Катюша, а Катюша!

— Чего-о?...

— Проснись, милая. Я въ минутку сбѣгаю на базарь, куплю булочку, картошки. Чайку попьюмъ.

— А говядинка будѣтъ?

— Теперь нельзя, иость. Вонъ тутъ гориочекъ съ молочкомъ; коли Цетя проснется, дай ему въ рожочекъ.

Завернулась Малаша въ платокъ, взяла кошелку для *провизії* и вышла на дворъ. Дворникъ длинойшею метлою съ ожесточениемъ подметалъ соръ. Хозяйская кухарка отмыкала погребъ.

— Здравствуй, баунька!

- А, Малаша! На базарь?
- На базарь.
- Твой-то дома?
- Дома. Заказъ ему капитанъ хочетъ дать, халатъ шить.
- Ну чтожъ... слава те Господи!
- Все рублика три заработка.
- Ну чтожъ... Баунька зѣвнула. — А дѣтки?
- Здоровы.
- Намъ сегодня уголь привезутъ; тамъ есть осколочки, труха... коли хочешь, возьми, Малаша!
- Ужъ такъ пурпурно...
- Ну чтожъ, возьми. И глиники застучишь паковыряй, катушковъ надѣласяшь.
- Спасибо тебѣ, баунька. Я только сѣгаю на базарь.
- Ну чтожъ, ну чтожъ...

Подъ воротами поздоровалась съ дворникомъ. Григорычъ былъ очень свирѣпый на видъ мужикъ, но въ сущности добрый человѣкъ. Во всемъ дворѣ съ одной только Матреникой, служащей у купца Сыромятникова, опять велъ войну. Война выражалась словами: „Борода“! — А тебѣ бритаго надо? — „Саюги дегтемъ помазалъ бы!“ — Я мазиу! и проч. Но странно, Григорычъ почему-то купилъ на базарѣ попошенный „ниджахъ“ и началъ

надѣвать его сверхъ вынувшейю рубахи
по праздникамъ.

— Халать Лукичу заказываютъ! объ-
яснила ему Малаша.

— Кто?

— Капитанъ.

Григорычъ носвисталь.

— Ну, ухо надо востро.

— А что?

— Да хуже жида. Нечто это господа
Жидоморы. Хоть бы гравенникъ когда...

— Григорычъ, потушилась Малаша, зайдите
мнѣ копѣйки четыре. Чайку надо
копѣйки на двѣ, да сахарку.

— Это сколько же за вами будетъ?

— Семнадцать копѣекъ.

— На... Э-эхъ, надѣла ты на себя истлю.

— Спасибо, дорогой!

Малаша помчалась. Григорычъ посто-
ялъ, и очесалъ бороду и произнесъ: эхъ,
грѣхи! Пойти за нескомъ, ишь гололѣдь
какая.

Булка и картошки явились съ носинѣ-
лой Малашей. Нетька вѣль себя по от-
цовски—спасть. Съ одной стороны—горя-
щая плита, а съ другой солнышко при-
грѣвали его.

— Ну сии и ты, Катюша, коми хо-
чешь.

— Мнѣ чайку.

— Сей часъ согреется водица. Коли не лижешъ, одѣвайся. Иди, умойся въ сѣнцахъ, а я утюжокъ поставлю.

— Зачѣмъ утюжокъ?

— Батѣ надо разгладить блузу. Къ капитану иойдеть, халатъ будеть ему шить.

Она отомкнула зеленый сундукъ. Тутъ лежали ея драгоцѣниости: дѣтскія рубашечки, три-четыре сорочки (считая и мужнинны), два полотенца, суконная синяя блузка, паспортъ Лукича, ея праздничное платье, и на самомъ днѣ утюгъ и ножницы. Она боялась, что онъ ихъ проиньетъ...

Катюшка стала молиться. Сноровъ не было — ужъ очень хотѣлось дѣвочекъ погрѣться чайкомъ! Малаша принялась за блузу. Пришила на воротѣ пуговку, выгладила блузу на опрокинутомъ большомъ ящикѣ, бережно сложила ее на табуреткѣ и достала изъ сундука ремень съ пряжкой.

— Ты пей чаекъ, а я возьму угольковъ у бауньки.

— А катушки будешь дѣлать?

— Буду.

— И я.

— Ручки отморозишь и запачкаешь. Ты будешь батю одѣвать, когда опь пропнется.

Разъ пять бѣгала Малаша съ рогожкой на хозяйствій ногребѣ. Принесла уголь-

ныхъ осколковъ, трухи и глины. Подкинула осколковъ въ печь. Замерзлую глину смочила теплую водою, размяла, насыпала въ нее угольной трухи и пришила смычникомъ то и другое. Потомъ стала изъ этого чернаго тѣста крутить руками катушки величиною въ кулакъ и раскладывать ихъ на рогожку. Это было ея будущий уголь. И ничего: высохнувъ на печкѣ, катушки горѣли что твой антрацитъ! Горѣли и руки ея отъ холода и ёдкой угольной пыли. Вирочемъ о рукахъ она и не заботилась: давно опѣ превратились въ какую-то истресканную подошву.

А тутъ Петъка проснулся. Надо было бросать работу и мыть руки.

— Дай, Катюша, ему сосочку! Я сейчасъ. Но Петъка требовалъ чего-то иного, не унимался. Послѣ принятыхъ матерью мѣръ онъ успокоился. Но вслѣдствіе его криковъ сонъ отца сталъ тревожнымъ.

— Катюша, иди играй съ дѣвочками.

— Я, мама, съ Лизкой не хочу: она дерется.

— Ну, играй съ Машею.

Завернула Катюшу въ знаменитый сѣрий платочекъ и выпроводила. И во-время. Отецъ проснулся... Съ трудомъ Лукичъ приподнялся; руки и ноги у него тряслись... Сѣль у столика.

— Малаша!

— Что?

— Нельзя-ли?

— Да на какия-жъ деньги, Лукичъ.

— А ты у Григорыча.

— Да мы и то ему должны, сегодня еще 4 копѣйки взяла. А ты слушай, я тебѣ радость скажу. Капитанъ, что живеть на верху, вчера присыпалъ къ тебѣ и велѣлъ безпремѣнио придти. Хочеть халатъ заказать.

— Ну, вотъ видишь, какъ-же не опохмѣлившись. Руки трясутся... Хорошъ, скажеть, портной: въ иглу не попадеть!

— А ты вотъ умойся, причисись, падѣнь блузу, да чайку выпей.

— Да ты скажи Григорычу: работу-моль получу, отдамъ. Ну хоть на гриневи-ничекъ.

— Вздохнула Малаша и пошла. Вернулась съ водкою.

— Вотъ это такъ! Руби!

Послѣ похмѣлья началось умыванье и проче. Агашъ Лукичъ сталъ походить на что-то. Отеки на лицѣ исчезли, волосы приглажены, рваный сюртучинка замѣнился блузой, подпоисанною ремнемъ.

— Григорычъ говорить, что съ капитаномъ надо ухо востро, чтобы не падутъ.

Ну, ужъ это иѣть, мы сами съ усами.

Я такія турусы ему подиущу — держись только. Четыре цѣлковыхъ за работу слушлю. Слышишь ты, Малаша: я буду называть его полковникомъ, а ее разина два-три превосходительствомъ. Люди-моль простые, не понимаемъ. А? Да сице на шнитки, шелкъ и иголки выпромощу. Который часть? Пора, что-ли?

— Въ церкви было девять Пора.

— А вотъ и я тебѣ радость скажу. Кумъ принесеть тебѣ шесть рубахъ ситцевыхъ спинть для одного почтальона. Отскабливай руки-то.

— Слава Богу.

— Не робй, воробей!

Лукичъ надѣлъ картузъ на бекрень и ушелъ молодцомъ.

V.

Все уладилось. За работу три рубли. Впередъ 50 коп. на шнитки. Халатъ рѣшили сдѣлать драповый съ пупсовой отдѣлкой. Матеріалъ „полковница“ рѣшила сама купинть. Аганъ Лукичъ просилъ позволенія скроить на квартире „полковника“. — А что у васъ грязно, тѣсно? процѣдила капитанша.

— Никакъ нѣтъ, ваше пр-ство. А я сдѣдовательно дѣлаю это для того, чтобы